

Title	17世紀古式分派の文献における「レチェ」について
Author(s)	Semakov, Vladinzir
Citation	大阪外国語大学論集. 33 p.59-p.69
Issue Date	2006-03-28
oaire:version	VoR
URL	https://hdl.handle.net/11094/79979
rights	
Note	

Osaka University Knowledge Archive : OUKA

<https://ir.library.osaka-u.ac.jp/>

Osaka University

17 世紀古式分派の文献における「レチェ」について

ヴラディーミル・セマコフ

О статусе формы «рече» в языке старообрядческих памятников 17 века

SEMAKOV Vladimir

17 世紀古式分派の文献における「レチェ」について

17 世紀古式分派の文献（アワークム文学流派）においては、過去を表現する動詞にパーフェクト（-л型）、アオリスト、インパーフェクトの形がある。-л型がロシア語の口語表現に影響を受けた結果だとすれば、アオリストとインパーフェクトは古式分派の文語的伝統によるものである。アオリストの中で最も頻度の高い形の一つは、「レチェ」の三人称単数である。17 世紀の文献では、「レチェ」は-л型と同じ時間的コンテキストの中で用いられる。これは、アオリストの文法的意味が消失したこと、そして文学の叙述部分に見られる一種の特徴である「レチェ」の変化を証明するものである。

概して、17 世紀の古式分派の文献は「レチェ」の形に以上のような伝統を支持しているが、一方で、この時代の最も傑出した作品である『アワークムの生涯』は全く別の修辞的問題を提示している。アワークムにとって「レチェ」は文体的に有標の形であり、つまり、高尚な文体の要素である。『アワークムの生涯』では、アオリストの形が積極的に用いられており、古代教会スラブ語とロシア語が対照的に用いられることでアワークムの基本的な文学性が支持されている。

アオリストの進化という観点から、17 世紀の高尚な文献に文法形態上、語彙の変化する現象が見受けられる。これは言語における形態的機能の最終段階の一つであり、このときに固有の文法的意味が失われ、語彙基盤の極端な見方が生じる。アオリストの形は、「レチェ」に用いられる制約された数の動詞からのみ、形成され始める。

«Житие протопопа Аввакума», три редакции которого были созданы «пустозерским сидельцем» в 70-х годах 17 века, давно и по праву считается выдающимся произведением древнерусской литературы. Впервые опубликованное Н.С.Тихонравовым в 1861 году, оно сразу привлекло внимание крупнейших русских писателей (от Тургенева и Л.Толстого до Достоевского и Гончарова) и позже неоднократно издавалось по разным спискам. Количество его переводов на иностранные языки уступает лишь другому памятнику литературы Древней Руси – «Слову о полку Игореве». В многочисленных исследованиях, посвященных разным аспектам языка «Жития», особо подчеркивается уникальность этого памятника, его неповторимый лингво-стилистический колорит, доминантную роль в котором играет совмещение церковнославянского языка и русской разговорной речи. Тезис об уникальности «Жития» с этой точки зрения остается неколебимым по сей день, однако в современном аввакумоведении чрезвычайно мало таких исследований, в которых бы язык этого памятника был поставлен в сравнительный контекст литературного языка 17 столетия или в более локальный контекст языка старообрядческой письменности этого времени. Между тем, компаративные наблюдения могли бы представить феномен Аввакума в совершенно ином аспекте – не только как уникальную творческую личность, преодолевающую средневековый «этикет», но и как создателя новой стилистической парадигмы, которая захватывает в себя и других писателей 17-начала 18 века. С этой точки зрения актуальны исследования языка т.н. «школы протопопа Аввакума», к которой принадлежали, помимо ее основателя, Епифаний – духовный отец Аввакума, его союзник и соавтор, инок Ефросин – автор трактата «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691) и старец Леонтий, известный своим «Хождением во святую землю» (1701-1703). Термин «школа протопопа Аввакума» был предложен Н.В.Понырко, одним из крупнейших российских исследователей старообрядческой литературы, и, на наш взгляд, является очень удачным для сравнительного изучения целой группы русских писателей допетровской и петровской эпохи.¹

Настоящая работа как раз и посвящена некоторым аспектам языка писателей «школы Аввакума» в контексте тогдашнего грамматического узуса.

Язык русской литературы 17 века отмечен печатью церковнославяно-русского двуязычия. Приход в литературу новых жанров, а также интерес к новым темам, связанным с жизнью обычного человека, привели к появлению большого количества текстов, в которых можно наблюдать смешение двух языков; более того, именно в 17 веке впервые обнаруживаются произведения, в которых противопоставление церковнославянского и русского языков сознательно актуализировано и в ряде случаев является основным художественным приемом. Церковнославянский, таким образом,

проникает в ту литературу, в которой он никогда до этого не использовался, и наоборот, русский начинает употребляться в тех жанрах литературы, которые традиционно относились к высокой книжности. Это приводит к взаимопроникновению двух языков, языковой «гибридизации» текстов. Языковая диффузия порождает процессы, связанные не только со стилистической перестройкой иерархически упорядоченных лексических структур, но и с семантической деформацией грамматических форм.

В качестве примера обратимся к одному из памятников сатирической литературы 17 века «Сказанию о крестьянском сыне». Сказание не самый типичный памятник смеховой культуры 17 века. Его сатирический эффект связан не с нарративом, что обычно для этого времени, но с языковой игрой, основанной на нетрадиционных для церковнославянского языка контекстах. В этом смысле «Сказание» можно поставить в один ряд с такими памятниками 17 века, как «Служба кабаку» и «Калязинская челобитная». Оно, однако, отличается от этих текстов предельной актуализацией каламбурного столкновения двух языков. Сюжет сказания прост – некий крестьянский сын, выучившись в городе грамоте (по тексту надо понимать – церковнославянской грамоте), не захотел учиться далее, а решил заняться воровством. Вместе с товарищами он приходит к избе «некоего» крестьянина, проникает внутрь и крадет все, что видит. Проснувшийся крестьянин бьет вора палкой по голове, но, услышав возгласы на церковнославянском, думает, что он убил ангела, и далее грабежу не препятствует. Вот некоторые выдержки из текста, изданного В.П.Адриановой-Перетц по списку 2-й половины 18 века:

«...И пошли ночью к некоему крестьянину. И пришли ко вратам, ударили во врата – ино у него ворота заперты. А сам он тать, крестьянский сын, рече: «Отверзитеся, хляби небесныя, а нам врата крестьянская». И взошел крестьянский сын с товарищами, а сам рече: «Взыде Иисус на гору Фаворскую с ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими»...

Нашел у крестьянские жены убрус и начал опоясываться, а сам рече: «Препоясываются Исус лентием, а я крестьянские жены убрусом». Нашел у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуваться, а сам рече: «Раб божий Иван в седалиа, а я обуваюсь в новые сапоги крестьянские»...

И та крестьянская жена послышала и мужа своего разбудила, а сама рече мужу своему: «Встань, муж, тать у нас ходит в клетю». И муж рече жене своей: «Не тать ходит, но ангел господень, а говорит он все божественные словеса». И жена рече мужу своему: «Кабы был ангел господень, и он бы с нас шубы не снимал да на себя не надевал».

И крестьянин послушав жены своей, с кровати сошел и под кровать наклонился и взял березовой ослоп и ударил тать в лоп. И он, тать, рече: «Окропиши мя иссопом и

очишуся, паче снега убелюся». И крестьянин ево убоялся, и к жене на постелю повалился, учал свою бранить: «Злодей ты и окаянница! Греха ты мне доставила: ангела убил, Христу согрубил. Да впредь ты молчи себе и никому не сказывай».

И видит кресьяниново малоумие и нашел тать под кроватью тас с водою, и он взял ис-под кровати и учел руки умывати, а сам рече: «Умыю руце мои, обыду олтарь твой господи».

И тать кель отворил и возгласил товарищам своим: «Обременении, покою вас! А что зделал, собрал, и вы пособите мне вынести вон». И те ево товарищи внидоша в кель, и что было у крестьянина живота, то все взяша и выдоша и двери за собою затвориша. А сам рече: «Чист есми дом мой и непорочен, окроме праведнаго». И не оставил ему ничего. Аминь.»²

Автор «Сказания» достаточно последовательно использует противопоставление двух языков практически на всех уровнях – от фонетического до синтаксического. Так, в речи крестьянского сына видим вторую палатализацию («отверзитетесь», «руце»), неполногласие («врата»), церковнославянские падежные формы («хляби небесныя», «со ученики», «источника безсмертнаго»), формы аориста («взыде», «сниде», «одеся»), краткие причастия в функции предиката («твоя от твоих к тебе приносяща»), старые формы местоимений («окропиши мя», «о всех и за вся») и пр. С другой стороны, речь крестьянина и его жены русская, здесь нет славянизмов, она вполне соответствует разговорному узусу 17 века. Следует отметить, что автор, в желании намеренно противопоставить два языка, не всегда корректен по отношению к церковнославянским формам: в «Сказании» есть ошибки, например, «есми» вместо «есмь» («чист есми дом мой»), «вас» вместо «вы» («обременении, покою вас») – однако в целом оппозиция «профанное : высокое» выдержана на языковом уровне с несомненным мастерством и достаточно тонким пониманием не только парадигматических, но и синтагматических норм противопоставленных языков. В этом смысле показательны варианты творительного падежа множественного числа существительного «товарищи»: «И взошел крестьянский сын с товарищами, а сам рече: «Взыде Иисус на гору Фаворскую с ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими»...»³

Итак, комический эффект «Сказания» строится, во-первых, на кошунственном употреблении церковнославянского языка в травестийной ситуации, а во-вторых, на столкновении двух типов языкового мышления – нового (вор), где церковнославянский выступает в качестве языковой системы для описания не только сакрального, но и обыденного, и традиционного (крестьянин), где тот же язык воспринимается исключительно в контексте православной культуры. В самом деле, для крестьянина травестийные реплики вора слышатся как «божественные словеса», поскольку в его

сознании церковнославянская форма неотторжима от ее религиозного наполнения.

Стройный языковой сюжет «Сказания», тем не менее, нарушается неожиданным образом. В набор дистрибутивных признаков, противопоставляющих церковнославянский и русский языки, не входит самая частотная в тексте аористная форма «рече». Если в описании действий вора она вполне уместна (поскольку согласуются с употреблением аористов от других глаголов в прямой речи), то по отношению к крестьянину и его жене она выглядит странной, выпадающей из общего набора признаков разговорной речи. Например, «и та кресьянская жена послышала и мужа своего розбудила, а сама рече мужу своему...»; «и муж рече жене своей».⁴ В первом случае однородные сказуемые «послышала» и «розбудила» резко контрастируют стилистически и грамматически с однородным же «рече». Первые два глагола невозможны в классическом церковнославянском языке (особенно форма с русским префиксом *рос-*), «рече» же, как аористная форма, невозможна в разговорной речи. Любопытно, что среди глаголов, вводящих прямую речь, в тексте «Сказания» в 18 случаях мы наблюдаем форму «рече» и только в 3 - другие лексемы («учал размышлять», «возгласил» - в описании вора, «учал бранить» - в описании крестьянина).

Таким образом, можно предположить, что употребление глагола «речи» в форме аориста 3 лица ед. числа подчиняется в нашем тексте совсем иным правилам, нежели все другие церковнославянские формы. Автор «Сказания» как будто не считает «рече» славянизмом, он исключает эту форму из реестра традиционных признаков книжного стиля. Это тем более странно, что все остальные глаголы в форме аориста включены в языковую игру и выполняют свойственную им стилистическую функцию. Для того, чтобы прояснить ситуацию с формой «рече», обратимся к более широкому языковому контексту.

Историками русского языка уже давно было замечено, что в 17 веке лексическая база глаголов в форме аориста начинает сокращаться. Еще в 1927 году Н.Н.Дурново писал, что, «кроме приказного, в Московской Руси вырабатывается постепенно, начиная с 15 века, особый вульгарно-литературный язык, которым писались популярные литературные произведения, распространенные среди низов читающей публики... В этом вульгарно-литературном языке из церковнославянского остались только известные штампы в виде отдельных наиболее употребительных в церковнославянских книгах слов вроде: бысть, рече, аще..., некоторых излюбленных форм вроде аористов и имперфектов (особенно часты формы на -ше, -ша в значении всех лиц и чисел)...».⁵ В самом деле, например в популярнейшей в 17 веке «Повести о бражнике» из 33 форм аориста большинство (17) – от глагола «речи», 11 – от глаголов на -ид (приидти, отойти и пр.). В «Сказании о лисе и куре» при абсолютном преобладании форм на -л встречаем 24 формы аориста, причем 15 из них – это аорист «рече».

Литературная школа Аввакума в целом продолжает наметившееся в 17 веке движение от церковнославянского к русскому языку. В описании прошедшего авторы ее часто предпочитают русский перфект без связки (л-формы) церковнославянскому аористу или имперфекту. Так, в «Житии протопопа Аввакума» (редакция В) отмечаем 179 примеров употребления аориста, 17 – имперфекта. От общего количества форм прошедшего времени (1775) это составляет около 11%. Во многих случаях появление аористных форм в памятниках аввакумовской школы не связано с необходимостью передать аористное значение – вполне обычным является употребление простых претеритов в одном темпоральном контексте с формами на –л, например: «...старец же, ища себе смерти, поперег костей велел отсеци, и отсекоша четыре перста (ЖА, л. 81)⁶; «Затрещал лед, яко гром, предо мною, на высоту стало кидать, и, яко река, разступился сюду и сюду, и паки снидесе вместо, и бысть гора льду велика» (ЖА, л. 58 об.); «...и в тот день бысть нам нужда великая дождевая, снег весь согнала; Ока река зело наводнилась, едва за нее переправихомся» (ПЛ, 133)⁷, «...сидящу бо ми в келии в пустыни моей Виданьской приехал ко мне в пустыню христианин на лошаде... (ЖЕ, 114)⁸; «в пустыни моей Виданьской сидящу бо ми в безмолвии, прииде ко мне старец, именем Варлаам (ЖЕ, 117). Объяснить употребление аористных и имперфектных форм в текстах с гибридным (церковнославяно-русским) языком достаточно сложно. В каждом конкретном случае мотивация может быть своя. Здесь можно увидеть и общее стремление автора придерживаться традиционного литературного узуса (на фоне недостаточного владения церковнославянским языком), и клишированность значимых частей текста, и средство ритмизации повествования⁹ (особенно ярко это проявляется в языке «Отразительного писания»), и тенденцию изображать действия бинарно противопоставленных персонажей морфологически по-разному оформленными глаголами (как в «Житии Аввакума»)¹⁰, и цитатную связь с религиозными текстами. Однако сейчас нас интересует не столько сама грамматическая форма, сколько ее лексическая составляющая. Иными словами, возможно ли выделить некоторые лексемы, имеющие формальные (фонетические и словообразовательные) или иные свойства, обуславливающие большую потенциальную предрасположенность к образованию именно форм аориста и имперфекта. То есть не функционирует ли в ряде памятников 17 века следующая тенденция – аорист и имперфект образуются от вполне определенных лексем или, иными словами, претеритная форма детерминируется своим лексическим наполнением.

Обратимся к трем старообрядческим памятникам 17 века: «Житию протопопа Аввакума», «Житию Епифания» и «Отразительному писанию о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». Выбор текстов был ограничен, с одной стороны, произведениями «школы Аввакума», с другой – датировкой (все тексты были написаны в

последней четверти 17 века). «Хождение во святую землю» старца Леонтия, созданное уже в петровское время (1703-1704 гг.) в наш список не вошло. Содержательно все три текста схожи: это произведения о расколе. Основная тема двух житий – автобиографическая с особым вниманием к описанию страданий за веру. «Отразительное писание» несколько отличается тематически, поскольку это своеобразный публицистический трактат против распространившейся в конце 17 столетия практики самоожжений. Сам автор - Ефросин - принадлежит к старообрядцам, но более умеренного течения, выступавшего против «самоубийственных смертей». Основную часть сочинения Ефросина составляют описания многочисленных «гарей» на севере Московской Руси, а также рассказы о деятельности старообрядческих проповедников¹¹. И «Житие Ефросина», и «Отразительное писание» имеют безусловную стилистическую связь с произведениями протопопа Аввакума. Наиболее яркая черта общего стиля – сочетание просторечия и книжного языка, в синтаксисе – опора на короткие самостоятельные предложения с глагольным стержнем¹². Например:

«Однако ты, Артемей, догматом, рече, растлелся: сей – твой догмат, и исполнился весь смрад от оманщиков-врагов: чакоть, бедной, и порты посмрадил, трепеща от антихриста Никона покойника: любо де воскреснет, или во Пскове живеть» (ОП, 88)¹³.

«О, беды церковныя! Отвсюду не точию враги нарочитыя, но вражонки бездельники, а и тем же ратуют: новых Манихей сатана нарожал, парнев окаянных, что водянных чертенков» (ОП, 85).

«А я ныне в темнице, яко во гробе, сижу, жив, землю погребен; всякую нужду терплю темничную, дым горкой глотаю, глаза дымом и копотию, и всякою грязью выело. Одна темница – то и церковь, то и трапеза, то и заход. А клопы жива хотят съест и червьям не хотят оставить» (ЖЕ, л. 181-181 об.).

«И тут на чепи кинули в темную полатку; ушла вся в землю. И сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно» (ЖА, л.24 об.- 25).

«Таж привезли в Брацкий острог и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидел до Филиппова посту в студеной башне. Там зима в те поры живет, да бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-той нельзя было. Коли покормят, коли нет.» (ЖА, л.36-36 об.).

Рассмотрим особенности употребления простых претеритных форм в языке трех старообрядческих памятников и специальное внимание обратим на аорист «рече».

Статистические данные дают следующие результаты: во-первых, «Житие Аввакума» заметно отличается от других текстов частотой употребления форм аориста и

имперфекта на одну глагольную лексему (1,85 – Аввакум, 2,73 – Епифаний, 2,35 – Ефросин). Здесь учитываются лишь те лексемы, которые встречаются в текстах в форме аориста или имперфекта. Во-вторых, в «Житии Аввакума» на глаголы, дающие от 5 и более примеров образования форм простых претеритов, приходится 31% всех форм (то есть 31% всех форм дают глаголы, обладающие повышенной претеритной активностью), в «Житии Епифания» этот показатель составил 45%, в «Отразительном писании» тоже 45%. Приведем список глаголов, наиболее часто встречающихся в форме простых прошедших времен (от более частотных к менее употребительным). Аввакум – «быти», «приидти», «начати», «речи»; Епифаний – «речи», «начати», «быти», «идти», «внидти», «отворити»; Ефросин – «речи», «быти», «начати», «обрести», «сотворити», «приидти». Как видим, глагол «речи» не самый частотный в списке Аввакума («быти» - 42, «речи» - только 6), напротив, в двух других памятниках аористная форма «рече» - самая популярная (в «Житии Епифания» - 38, в «Отразительном писании» - 130).

Есть еще одна важная особенность аввакумовского текста: практически все глаголы, образующие простые претеритные формы не противоречат традиционному церковнославянскому узусу. Абсолютное большинство из них зафиксированы в «Словаре-справочнике засвидетельствованных форм старославянского языка» Р.Айцетмюллер¹⁴. Из 109 глаголов исключение составляет лишь «утрудити» в форме «утрудиша». Похожую картину дает и Епифаний. Напротив, язык «Отразительного писания» в этих позициях значительно отличается. Здесь мы встречаемся с многочисленными аористами и имперфектами от глаголов, не входящих в традиционный церковнославянский лексикон – «валяху», «затеваху», «оборваша», «поговорих», «поживе», «сказа» и др., то есть от глаголов, которые либо имели церковнославянский синоним («сказати» - «речи»), либо относились к разряду безэквивалентной лексики («валяти»). Что касается значения «рече» в языке «Отразительного писания», то оно и грамматически, и лексически аморфно. Например: «Симеон... **глаголаша**: дерзай, **рече**, не бойся и никонияном жива в руки не давайся (ОП, л.11 об.); «Аз же... **рех**: всяк, **рече**, удавляй себе осилом, со Иудой Скаротским да чает свою часть (ОП, л. 12); «...Емельян, **рече**, Иванович! Можно ли государьский указ чести?» (ОП, л. 14 об.).

Если рассматривать семантическое поле глаголов «dicendi», к которым относится «речи», то в «Житии Аввакума» обнаруживается своеобразная система стилистически противопоставленных дублетных форм – беседовати : моляти; говорити : сказати; глаголати : речи. Соответственно – низкий, средний и высокий стили. Дистрибутивный признак внутри глагольной пары – связь или отсутствие таковой непосредственно с говорением. Например, «говорить» - всегда связано с языком, «сказать» - лишь в значении «поставить в известность»¹⁵. Выбор лексического варианта у Аввакума подчинен, с одной

стороны, контексту, с другой – общим художественно-идеологическим задачам автора (в ряде случаев писатель сознательно снижает или повышает стилистический регистр в зависимости от статуса изображаемого субъекта – если это лицо никоновского лагеря, то регистр снижается и мы можем ожидать русифицированные формы, если оно принадлежит «детям Божиим», соратникам протопопы, – регистр повышается и преобладают церковнославянские формы). Например: «И виде меня печальна, протопопица моя **приступи** ко мне со опрятством и **рече** ми: «Что, господине, опечалился еси?» (ЖА, ред. А, л.236 об.); «Таже ин началник, во ино время, на мя разсви́рел – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты... Он меня **лает**, а я ему **рек**л: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет» (ЖА, ред А, л.199 – 200 об.).¹⁶

В двух других старообрядческих памятниках такого дифференцированного отношения к глаголам говорения и их формам нет – здесь вне зависимости от контекста господствуют формы глагола «речи». Например, в «Отразительном писании» на 159 примеров употребления глагола «речи» в прошедшем времени (вместе с перфектом), встречаем лишь 9 примеров для «сказати», 5 – для «глаголати», 5 – для «возопити» и единичные примеры для «говорити», «отвещати» и некоторых других лексем.

Итак, в «Житии Аввакума» аорист «рече» выступает как яркий славянизм, стилистически маркированная форма и с точки зрения лексической (в противопоставлении, например, «молюти» или «сказати»), и с точки зрения грамматической (как форма аориста, а не перфекта). «Рече» у Аввакума коррелирует с другими подобными аористными формами и в целом с церковнославянской составляющей его стиля. В «Житии Епифания» и «Отразительном писании» употребление формы «рече» подчиняется иным правилам. В этих памятниках аорист «рече» исключен из набора признаков, реализующих оппозицию «церковнославянское : русское». Его стилистическая роль практически нейтрализована, эта форма выступает исключительно как элемент, вводящий прямую речь, своего рода, «синтаксические скобки». Аористная семантика этой формы разрушена, она встречается не только в контексте прошедшего, но и настоящего, не только в значении совершенного, но и совершаемого. Как писала Г.Хютль-Ворт, «уточнения, если не пересмотра требует понятие стилистической маркированности большинства славянизмов в смешанных текстах, о которой можно говорить лишь в том случае, если данная форма отличается от своего окружения или мотивируется непосредственно сюжетом контекста, а не языковым характером целой тематической единицы»¹⁷. В нашем случае стилистическая маркированность аориста «рече» (а для 17 века его вполне можно отнести к славянизмам) сохраняется Аввакумом и утрачивается Епифанием и Ефросином. Следует напомнить, что все три текста близки по стилю и содержанию, это литературная школа Аввакума, однако их языковая близость, тем не

менее, не является определяющей в единой интерпретации всех языковых феноменов. Аввакум исходит из собственной, активно заявленной языковой концепции, которую он формулирует в знаменитом обращении к «чтущим» и «слышащим» - «... не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хошет... того ради и я не бегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго»¹⁸. В «Житии» он выстраивает свою систему соотносительных церковнославяно-русских форм, подчиненную главной цели своего повествования – «обличению злокозненной никонианы», и в этой системе аорист «рече» маркируется как форма церковнославянского языка, как элемент высокого стиля. Епифаний и Ефросин находятся в другой риторической стратегии. Они примыкают к распространенной в конце 17 века традиции использования формы «рече» вне контекста противопоставления двух языковых систем. Для них, как и для авторов «Сказания о крестьянском сыне» и «Повести о бражнике» (в этот список можно внести и почти все повести петровского времени), «рече» - своеобразный маркер повествовательной литературы, это знак, указывающий на не функциональный (не деловой) характер текста. Его появление, несомненно, связано с еще продолжающей жить в конце 17 века средневековой этикетной традицией, по которой художественный (в терминах того времени - «книжный», «душеполезный») текст при всех прочих свойствах должен обладать одним принципиальным качеством – он обязан значимо отличаться от традиции делового письма. В 17 веке эти отличия могли выступать на различных уровнях – синтаксическом, морфологическом, лексическом. В нашем случае знаками такого языка являются маркеры типа «рече». С точки зрения грамматической эволюции аориста, маркерный статус «рече» фиксирует один из финальных эпизодов функционирования претеритной формы. В большом корпусе памятников 17 века аористные формы уже лишены своего исконного значения, они находятся в процессе лексикализации и начинают образовываться лишь от некоторых глаголов, к числу которых относится и «речи».

Остается лишь ответить на вопрос, почему из церковнославянского глагольного лексикона актуализируется в 17 веке именно «речи» и именно в форме аориста 3 лица единственного числа. Скорее всего, это связано с устойчивой литературной традицией, идущей от библейских текстов и канонических агиографий. Конструкции ввода прямой речи типа «он же рече...» наиболее частотны в этом корпусе текстов. С другой стороны, распространению «речи» способствует и семантика этого глагола: она не столь специфична, как, например, у конкурирующего «глаголати». В паре «речи»:«глаголати» первый член оппозиции немаркированный, а потому и более распространенный. Наконец, «речи» генетически принадлежит одновременно и церковнославянскому, и

древнерусскому языковому наследию. Это способствовало сохранению аористой формы «рече», например, в деловой письменности, где она входила в состав трафаретных формул, а через нее - и в литературных текстах 17 века.

Сокращения

ЖА – Житие протопопа Аввакума

ЖЕ – Житие Епифания

ОП – Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей

ПЛ – Путешествие священника Леонтия во Святую землю

¹ См.: Поньрко Н.В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979.

² Цит. по: Русская демократическая сатира 17 века. Подг. текстов, статья и комментарии В.П.Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 87-88.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 28.

⁶ Здесь и далее Житие Аввакума в редакции В цит. по: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С.11-79.

⁷ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив, 1863, вып 1-5.

⁸ Пустозерский сборник... С.80-91. С. 112-137.

⁹ См.: Плюханова М.Б. Риторический стиль Авраамия Палицина (символизация грамматических категорий) // Уч. зап. ТГУ. Труды по знаковым системам. №21.

¹⁰ См.: Семаков В.В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке «Жития протопопа Аввакума» // ТОДРЛ. Т.39. Л., 1979.

¹¹ См.: Елеонская Л.С. «Отразительное писание» инока Ефросина как памятник русской публицистики конца 18 века // Уч. Зап. МГПИ, 1970, №363. С. 301-311.

¹² См.: Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума //О языке художественной прозы. М., 1980.

¹³ Здесь и далее цит. по: Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей // Памятники древней письменности. Т.108, 1895. С. 1-107.

¹⁴ Aitzetmuller. R. Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen verbalformen. Wursburg: Weiher, 1977.

¹⁵ Колесов В.В. Лексическое варьирование в литературном языке 17 века // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 132-133.

¹⁶ Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.

¹⁷ Хютль-Ворт Г. Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1973. Bd. 18.

¹⁸ Пустозерский сборник... С. 112.

(2006. 1. 23 受理)